

Комбаев Алексей Викторович

кандидат политических наук,
доцент кафедры политологии и социологии
Бурятского государственного университета

Бадонов Алексей Маланович

кандидат социологических наук,
доцент кафедры теории социальной работы
Бурятского государственного университета

**НЕПРИДУМАННАЯ ЖИЗНЬ:
САМООЩУЩЕНИЕ ЖЕНЩИН
В МЕСТАХ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ [1]**

Аннотация:

Статья посвящена изучению особенностей отбывания наказания в местах лишения свободы женщинами, совершившими преступление. Авторы на основе полуструктурированного глубинного интервью описывают внутреннее самоощущение женщин, находящихся в исправительных учреждениях. Сегодня не принято обсуждать вопросы, связанные с женской преступностью, и тем более – закрытого мира осужденных женщин. В работе предпринята попытка воспроизвести их самоощущения в контексте социально-бытовых условий закрытой социальной системы, проанализировать образцы поведения и социальные условия, диктующие их. Авторам удалось обобщить характеристики этой необычной социальной группы, показать быт осужденных женщин, раскрыть жизненные мотивации и установки. В результате исследования сформулирован вывод, что социальный портрет женщины, отбывающей наказание в виде лишения свободы, зависит от неформального статуса колонии, социального положения и ценностных норм, приобретенных до осуждения, а также от общей мотивации в жизни.

Ключевые слова:

осужденные, пенитенциарная система, исправительная колония, социальный портрет, социальные установки, идентификация, зеки.

Kombayev Aleksei Viktorovich

PhD in Political Science, Associate Professor,
Political Science and Sociology Department,
Buryat State University

Badonov Aleksei Malanovich

PhD in Social Science, Associate Professor,
Theory of Social Work Department,
Buryat State University

**THE TRUE LIFE: WOMEN'S
SENSE OF SELF IN PLACES
OF DETENTION [1]**

Summary:

The paper discusses the peculiarities of serving sentences in places of detention for women who have committed crimes. Based on a semi-structured in-depth interview, the authors have described the women's sense of self in prisons. Today it is improper to discuss issues related to female crime or even to the closed community of convicted women. The authors made an attempt to reproduce the women's sense of self in the social environment of a closed social system, and to analyze the patterns of behavior and social conditions that determine them. Summarizing the characteristic traits of this uncommon social group, the authors described everyday life of women serving sentences, their social motivation and attitudes. As a result of the research, it was concluded that the social portrait of a woman serving a prison sentence depends on the informal status of a correctional facility, on the social status and system of values acquired before conviction, and on the self-motivation.

Keywords:

convicts, penal system, correctional facility, social portrait, social attitudes, identification, prison population.

Свобода – это когда человек свободен душой
(в любом месте этот человек свободен).
Интервью № 1, стр. 105 [2]

Об объекте исследования. При изучении социальные болезни общества редко связываются с женщинами, которые в большей степени ассоциируются с рождением и воспитанием детей, ведением домашнего хозяйства и ни в коей мере с преступлениями и тюрьмами. К сожалению, данный стереотип не соответствует действительности, сегодня в России зарегистрировано 43 874 женщины, заключенные под стражу, т. е. 7,9 % от общего количества пребывающих в тюрьмах людей [3]. Следует отметить, что женская преступность набирает обороты, увеличиваются и масштабы рецидивной преступности. Если мужские исправительные учреждения и царящие там нравы знакомы практически всем, то женские часто остаются вне фокуса социологических исследований. Мы не претендуем на абсолютную научность, а в большей степени хотим приоткрыть завесу, скрывающую быт осужденных женщин, и показать их самоощущения в местах лишения свободы, что в дальнейшем может послужить основой создания картины жизненного мира женщины в российской тюрьме.

При получении эмпирических данных нам удалось создать доверительную атмосферу, при которой, на наш взгляд, сформирован уникальный материал внутренних переживаний, восприятия быта. При описании мы оставляем его в неизменной форме, поскольку считаем, что только так возможно прочувствовать атмосферу женской тюрьмы и понять важность исследуемой проблематики. Мы хотим обратить внимание научной общественности на рассмотрение такого социологического объекта, как женщина в исправительном учреждении.

О методике исследования. Выбранный объект социологического исследования в силу специфических условий изоляции и надзора является труднодоступным для изучения. В колонии строгого режима № 7 Республики Бурятия (г. Улан-Удэ) содержатся 223 женщины, осужденные по статьям разной тяжести. Лимит, т. е. общее количество отбывающих наказание, на которое рассчитано учреждение, составляет 239 человек.

Авторским коллективом при разрешении и содействии Управления Федеральной службы исполнения наказаний по Республике Бурятия были созданы условия для реализации глубинного интервью и анкетного опроса осужденных. На наш взгляд, только такое сочетание методов позволяет рассчитывать на получение объективных данных и формирование максимально правдивого социального портрета специфической группы общества. Базой исследования выступила специализированная СОШ № 15, которая находится на территории колонии строгого режима № 7. Интервью и опрос проходили в специализированных учебных классах без присутствия воспитателей колонии. В условиях, которые максимально приближены к ситуации вне изоляции и надзора, на наш взгляд, человек ощущает себя комфортнее и в большей степени расположен к беседе. Проведены 30 полустандартизированных глубинных интервью, с помощью инструмента анкеты опрошены 100 женщин, находящихся в колонии, также в качестве интервьюируемых выступили 10 сотрудников исправительного учреждения.

Социальный паспорт женщин, отбывающих наказание в ИК № 7. Содержащиеся в колонии женщины совершили тяжкие и особо тяжкие преступления. Многие из находящихся в учреждении преступницы имеют более двух судимостей. Основная возрастная группа – 18–35 лет. Следует отметить, что за последние годы женская преступность показывает тенденцию к омоложению. По национальному составу преимущественно наблюдаются русские. Большинство женщин не имеют семьи или являются сиротами либо воспитывались в неполных семьях. Подавляющее количество осужденных здоровы, сотрудники ИК ведут учет заболевших и их лечение. На базе учреждения имеется врачебный пункт для оказания медицинской помощи. Самые распространенные статьи Уголовного кодекса РФ, согласно которым несут наказание женщины, – 105.1, 162.3, 228, также встречаются и другие, менее тяжкие, статьи.

Многие из респондентов в качестве причины совершения ими преступления указывают насилие со стороны близких родственников, опекунов, сожителей. В семейных отношениях мужчины чаще становятся жертвами насильственных действий в силу различных причин, в первую очередь связанных с противоправным поведением самой жертвы, т. е. мужчины. Как мы отметили ранее, женщины, являясь латентными жертвами домашнего насилия, не выдерживая дальнейших издевательств и побоев супруга или сожителя, все чаще выступают преступницами. Они совершают убийство или наносят тяжкий вред здоровью [4].

До отбывания наказания практически все женщины, находящиеся на данный момент в исправительной колонии, так или иначе сталкивались с проявлением криминальных практик в семье или в близком окружении. У некоторых из них сожители, мужья или даже один из родителей отбывали или отбывают наказание в местах лишения свободы. Многие интервьюируемые говорят, что тюрьма для них была заочно знакома.

Анастасия (ст. 162.2, 158.2, 150): *«Я сижу, и мой муж сидит, я из-за него и сижу, а он до конца срока сидеть будет, значит, и я должна тоже “режим шатать”. С моей статьей мне сидеть легко здесь. После освобождения видно будет, что дальше».*

Виктория (ст. 228): *«У меня отец сидел, но мы его с матерью так и не видели толком. А так человек хороший был, говорят же, от тюрьмы и от сумы не зарекайся».*

Светлана (ст. 105): *«Я родителей не знаю, только бабушка, говорят, отец сидел, после колонии долго болел и умер, я его не знала, про мать ничего не знаю».*

Анна (ст. 105): *«Чем дольше сижу, тем больше мыслей и размышлений у меня в голове. Много осмыслила, общалась с двумя братьями, которые тоже сидят».*

Самоощущение женщин в исправительной колонии и статусно-ролевые позиции. Следует отметить, что самоощущение – это субъективное состояние человека, зависящее от многих факторов, начиная с психического здоровья и заканчивая социально-бытовыми условиями. В изолированной среде естественны дискомфорт и трансформация привычных образцов социального поведения. В частности, респонденты отмечают, что в колонии чувство недоверия

превалирует практически над всеми другими чувствами. Как мы указывали ранее, друзей в обыденном понимании здесь нет, более того, многие женщины не воспринимают себя такими же преступницами, какими считают всех остальных, в большей степени они рассматривают себя в качестве жертв обстоятельств и несправедливости правовой системы [5].

Милинда (ст. 105, 228): *«Поначалу было очень страшно, обстановка и люди очень пугали, приходилось жить, как диктуют люди. Было ощущение настоящей тюрьмы. Сейчас, по истечении 5 лет, да, все изменилось, привычно стало, страха ноль, как будто эту функцию удалили из организма, как будто так и должно быть, усталость сильная от всего, инстинкта самосохранения нет, на все смотришь по-другому, не так, как раньше, наивность, которая была, пропала, появилось недоверие к окружающим».*

Анастасия (ст. 162.2): *«Когда я попала в первый раз в тюрьму, я очень была замкнутой, озлобленной, никому не нужной, сейчас, прожив здесь 11 месяцев, я до сих пор не могу отойти и понять, где я нахожусь, и мне очень тяжело понять все это, ведь это не мое и не мой мир. “Зэчки” меня все здесь раздражают, я не могу их отношение понять, здесь под всех нужно подстраиваться, немногое здесь решает администрация, они не ко всем прислушиваются, а только к избранным. И вот я живу в одиночестве, где меня никто не понимает. И никогда не поймет».*

Людмила (ст. 105): *«Места лишения свободы с первых дней попадания за решетку: было страшно, грустно и одиноко. Никому не доверяешь. На всех смотришь и ждешь подвоха, замкнутая в себе. А просидев 4 года, ты смотришь другими глазами. Все общительные, веселые и в то же время одинокие. Сильно не разговорчивые. Только тому, кому доверяют, а таких людей здесь мало, всего из 200 человек 30 от силы нормальные, искренние и справедливые».*

Интересно, что основой более комфортного пребывания в колонии осужденные называют деньги, связи и знакомства среди людей, имеющих влияние на администрацию ИК. Такого мнения придерживаются 43 % осужденных, 21 % опрошенных отмечают, что как на физический комфорт, так и на внутренний воздействуют возможность видаться с родственниками и их моральная и материальная поддержка в виде продуктов питания и вещей, не запрещенных в колонии.

Некоторые заключенные испытывают зависимость на уровне психологической привязанности к сотрудникам администрации колонии, включается механизм отрицания себя как одной из преступниц, происходит самоотжествление с работниками исправительного учреждения, нежели с осужденными. Обычно такие женщины в большей степени склонны к взаимодействию с руководством и охотно занимаются поощряемой администрацией общественной деятельностью.

Екатерина (ст. 105): *«ИК-7 – это полностью болото, в котором “зэчки” не понимают, как тяжело сотрудникам работать, никто их не понимает, здесь очень тяжело, все время живешь, как в страхе, все тебя осуждают, я ненавижу эту колонию с этими “зэчками”, они очень дают на психику».*

Есть и совершенно другая поведенческая установка, продиктованная отрицанием правил и норм, существующих в колонии. Многие осужденные женщины абсолютно уверены в отсутствии справедливости и расценивают свое пребывание в тюрьме как злой рок, либо объясняют его несовершенством судебной системы.

Евгения (ст. 228): *«Колония – это место, назначенное несправедливым судом. Справедливость – ее нет, но она у каждого своя. <...> Справедливость непременно должна быть, но не обязана! И, как правило, ее практически нет! А для тех, кто пытается ее найти, еще более все усложняется. И фраза звучит так: “Не ищи справедливости, ее нет!”. По крайней мере, мне так часто говорят здесь, в колонии».*

Воплощение и инструмент несправедливости – это сама колония, а ее сотрудники претворяют ее в жизнь. Соответственно, по мере возможности нужно следовать правилам распорядка и воспринимать их как необходимое зло, но в то же время – соблюдать и внутренний кодекс арестантов, «шатать режим», т. е. противостоять администрации в некоторых решениях, отстаивать свои правила. Такое поведение у осужденных женщин, впрочем, как и у мужчин, называется «отрицалово». Отметим, что степень неподчинения нормам внутреннего распорядка во многом зависит от колонии, в которой содержатся отбывающие наказание. В среде осужденных все исправительные учреждения делятся на «красные» и «черные». В первых – соблюдаются режим и неоспоримые правила, заведенные администрацией. Во вторых – отношения практически полностью регулируются осужденными, многие из них здесь имеют непостижимые привилегии и социальное влияние на других заключенных. Обычно это осужденные женщины по так называемым «правильным» статьям – разбой, грабеж, хулиганство. Убийство тоже считается «правильной» статьей с точки зрения преступного мира, согласно которой целесообразно учитывать мотивы убийства. Например, убийство насильника в результате самообороны признается правильным с позиции осужденных, а статья за убийство собственных детей или родителей считается призраемой. Убийцы родителей и

детоубийцы, как правило, подвергаются социальному исключению и расцениваются как отверженная каста, наряду с осужденными по ст. 240 УК РФ «Вовлечение в занятие проституцией».

Женщины вынуждены приспосабливаться к существующим правилам. Многие несут двойное или даже тройное наказание: собственными мыслями и совестью, другими осужденными, а также изоляцией и режимом.

Ольга (ст. 105.1, 111.2): *«Первые ощущения, когда меня увезли из зала судебного заседания в ИВС: было некомфортно, потеряла счет времени, мысли путались, главное – я не знала, что будет дальше. И эта неизвестность меня немного пугала, хотя я и сама не из пугливых. Когда меня привезли в СИЗО: проходя досмотр и все эти банальные процедуры, не верила, что это происходит со мной. Мне не верилось, что я могла убить человека, причем не постороннего, а родного. И эта давящая вина. Проходя по коридорам и слыша перестукивания, переключки других осужденных или обвиняемых, лязг этих железных ключей и дверей... Ощущение одиночества и безысходности, когда я переступила порог камеры, где было, наверное, всего 10 м² и там находилось уже три девчонки. Поначалу я думала, что именно здесь, в СИЗО, мне и предстоит провести долгих 10 лет. И, конечно, я испугалась. Наверное, сразу выкурила пару пачек сигарет, есть совсем не хотелось. Бессознательно руки тянулись к карману брюк – посмотреть время, но в СИЗО ни у кого нет часов. Ограничение пространства... Я не могла найти себе места, мне не сиделось, я ходила из угла в угол. Когда уже этапировали в ИК-7, сразу бросилось в глаза отношение сотрудников. Мы здесь – ничто и звать нас никак; да и к тому же женщины. Было сложно привыкнуть к режиму и зарядке, да и вообще жизни под видеонаблюдением. Жесткий распорядок дня, и куча ненужной информации. Колония – это место, где много людей и каждый сам за себя, т. е. жизнь здесь протекает как на выживание. Нужно быть всегда начеку».*

Анастасия (статью не назвала): *«Когда я попала в первый раз в места лишения свободы, у меня первое впечатление было, что я попала в какой-то ад. Было очень страшно, непонятные люди, решетки, камеры. Было очень неприятно. Потом, когда я приехала на колонию и увидела здесь зеленую форму и очень много женщин, честно – у меня даже ноги подкосились. Женщины, многие из них, мне показались какими-то злыми, взгляд был злой. Потом, когда я поднялась в отряд, познакомилась со всеми, стало не так страшно, на многих здесь надеты, так сказать, “маски”, т. е. человек на самом деле не такой, какой он на самом деле. Здесь проводятся разные мероприятия, веселье и не очень. В общем, как бы здесь хорошо ни было, но дома со своими близкими лучше. Никому не пожелаю сюда попасть».*

Некоторые из женщин признались в том, что испытывают страх, помимо внутренних угрызений совести и наказания в виде изоляции, давления осужденных. Причины этого кроются в том, что родственники пострадавших от их рук могут отомстить. Такой страх, наряду со многими другими, вызывает устойчивые депрессивные состояния.

Социальная структура в местах лишения свободы для женщин нам показалась менее агрессивной и иерархичной, нежели в мужских колониях. У женщин социальные роли здесь во многом зависят от возраста, социальных и профессиональных навыков. Так, женщины, умеющие шить или обладающие другими социально полезными способностями, зачастую занимают достаточно высокую позицию в коллективе осужденных.

Как отмечено ранее в работе, существенную роль играет и статья, по которой отбывает наказание женщина: детоубийц, убийц родителей и организаторов проституции сторонятся, зачастую такие осужденные не участвуют в принятии коллективных решений. Однако полнейшей изоляции и тем более насильственных действий к «неправильным» осужденным женщины в отличие от мужчин в колониях практически не применяют. В женском исправительном учреждении большое значение имеет так называемый «грев», т. е. посылки с воли (незапрещенные материальные предметы и продукты питания), чем чаще и солиднее «передачки» от родственников и друзей, тем стабильнее положение арестантки и выше ее авторитет.

В женских колониях есть «блатные», которыми могут быть дневальные и бригадиры, т. е. люди, каким-либо образом связанные с начальством или имеющие в его глазах определенный вес. Поэтому у них есть привилегии по отношению к другим осужденным. Следует отметить, что в исправительном учреждении есть и такие осужденные, которые в большей степени ориентированы на деструктивные практики. Они специально нарушают режим отбывания наказания и установленные порядки, пытаясь таким образом завоевать авторитет среди других осужденных. Основной мотивацией подобного поведения является приверженность идеалам преступного мира и занимаемой социальной позиции до осуждения в преступном сообществе, как правило мужском, в которое женщина была вовлечена по тем или иным причинам [6, с. 194].

Марина (статью не назвала): *«Мне не канает по их правилам жить, у меня мой парень сидит в ИК № 2, он блатной и от звонка до звонка мотать срок будет, и я “режим шатать” буду, чтобы потом на свободе мне никто не смог предъявить и ему тоже, такова жизнь».*

Екатерина (статью не назвала): *«Здесь нету жизни, здесь только существуешь, порой не хочется жить, потому что здесь нету смысла жизни. Здесь идет борьба за выживание, приходится быть в этой жизни жестоким».*

Социальные общности мест лишения свободы. Беседа с женщинами в колонии строгого режима, мы пришли к следующим, порой очевидным, порой интересным и пугающим, выводам.

– Восприятие колонии у женщин неодинаковое, в основном оно зависит от уровня образования и предыдущих социальных практик. Например, для многих молодых преступниц из неблагоприятной социальной среды пребывание в колонии – это не что-то из ряда вон выходящее, а совершенно нормальное явление, поскольку в их близком окружении кто-либо из родственников или друзей отбывал или отбывает наказание в местах лишения свободы. Можно сказать, что в самоощущении определенной группы женщин тюрьма выступает неизбежным этапом взросления, как для молодых людей армия. Многие из молодых осужденных женщин получают образование, учатся жить по правилам – так, как их не научили родные и социальное окружение до изоляции от общества.

– Длительные сроки наказания приводят к искажению социальной реальности. Окружающий мир даже вне изоляции воспринимается как враждебная среда, которой нужно противостоять любыми возможными способами, а так как в мировоззрении женщин справедливости не существует, то и надеяться можно только на себя, достигая поставленной цели любыми способами. Для многих вновь оказаться в местах лишения свободы – вопрос времени.

– Основным фактором исправления выступают не практика изоляции, а наличие крепких социальных связей вне изоляции и поддержка семьи.

– Колония и сотрудники, обеспечивающие режим, воспринимаются через призму социального опыта и социальной среды до изоляции от общества. У так называемых «блатных» колония и сотрудники – зло, которому нужно противостоять.

– В ходе интервьюирования установлено, что практически все женщины испытывают дискомфорт, связанный с соблюдением режима и внутренним давлением социальной среды. Необходимость подчиняться формальным и неформальным правилам, бытующим в местах лишения свободы, приводит к эмоциональным срывам и, как следствие, нарушению установленных правил, что влечет за собой санкции как с одной стороны, так и с другой. Многие осужденные, пытаясь убежать от окружающей их реальности, предпринимают попытку суицида либо замещают действительность религиозными практиками.

На наш взгляд, самоощущение женщин выступает индикатором, который позволяет судить о том, насколько действенно работает система исполнения наказаний, что следует изменить в подходах к организации женской изоляции и как сформировать систему эффективного исправления, а не подавления личности, приводящего к совершению нового преступления.

Ссылки и примечания:

1. Работа выполнена при грантовой поддержке Бурятского государственного университета по теме «Социальная трансформация региональной преступности».
2. Все имена интервьюируемых женщин изменены.
3. По данным Росстата.
4. Раднаева Э.Л., Бадонов А.М. Социально-правовые аспекты домашнего насилия // Социология уголовного права : сборник статей. М., 2019. С. 115–123.
5. Комбаев А.В., Юмжапов Г.С. Как сегодня отбывают наказание в исправительных колониях осужденные: самоощущение «первоходов» и опыт взаимодействия с «новым миром» // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер. 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2019. Вып. 2 (239). С. 108–114.
6. Русскоязычный жаргон. Историко-этимологический толковый словарь преступного мира / авт. и сост. З.М. Зугумов. М., 2015. 727 с.

Редактор: Тюлюкова Мария Олеговна
Переводчик: Мельников Евгений Вячеславович